

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Жизнь и семья (присл. к Сов. культуре) - 1992 - 5 июля / № 27 - с. 16

«ЗА ОТСУТСТВИЕМ
СОСТАВА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ...»

Что обычно хранят в своих архивах люди театра? Конечно же, свидетельства своего успеха у публики: письма поклонников, поздравительные телеграммы к юбилеям, пожелтевшие газеты с восторженными рецензиями, рассыпанные по обувным коробкам пожелтевшие фотографии и театральные программы премьерных спектаклей с автографами партнеров...

ливая комедия Вернейля «Похищение Елены»!.. Но Иван Семенович Козловский, оказавшийся проездом осенью 1941 года в Горьком, со слезами на глазах благодарил Самарину за спектакль, за ее заразительное, «колабрюньонское» жизнелюбие и возможность хотя бы на короткое время отвлечься от мрачных и тяжелых настроений. Она продолжала хлопотать о муже, который в своих письмах все чаще приходил к мысли о невозможности их будущего семейного счастья:

«Дорогая моя Тонюша! Друг мой дорогой! Часто лунными ночами, сидя один и глядя на темные вершины сосен, я думаю — а что дальше? Что ждет меня впереди? Что?.. Ответ один — ничего... Одиночество! «За что же?» — кричит все внутри... и не к кому обратиться, и никто не исправит несправедливости, и никому нет до тебя дела... Впереди еще три тяжелых года, а после них? Ведь и после них не легче: запретные города, трудности, а то и невозможность устроиться на работу... Прости меня, если мрачные краски письма много неприятны, но я так глубоко одинок, а душа болит, болит... Горячо вас обоим целую, хочу обнять, а увижу ли?.. Боже мой, как это мучительно! Берегите друг друга в каждой мелочи. Прощайте. Юра».

Обоим спасало искусство, возможностью заниматься творчеством, казалось бы, в самых неподходящих условиях.

В письме отцу Антонины, также известному актеру Н. И. Соболевскому-Самарину, в конце 1942 года Юрьев писал:

«Дорогой Николай Иванович! Я здесь уже два года... Здоров ли я? Да, по местным меркам здоров. Работаю, возжусь с драмкружком. В одно и то же время я и режиссер, и актер драмы и оперетты, танцор, клоун, куплетист, балетмейстер, хормейстер, режиссер, гример и прочее... Словом, —

все, что надо. «Нужда пляшет, нужда скачет, нужда песенки поет...» В этой работе я забываюсь. Работы хватает, и в этом мое спасение»...

Юрьев был освобожден досрочно осенью 1943 года. Вернуться в Горький не разрешили, но, чтобы быть ближе к семье, обосновался в Павлове-на-Оке, где был драматический театр. Потянулись долгие годы бытовой неустойчивости и творческой неудовлетворенности. Во время летней навигации работал на агитпароходе.

Из письма жене:

«Тонечка! Вчера послал тебе письмо из затона, сегодня пишу из Ульяновска, где отработали и в 3 часа ночи отплываем дальше... Сейчас мы едем Саратов — Сталинград — Астрахань. В Астрахани будем долго. Поэтому туда можно смело писать. Адресуй — Астрахань, Пристань, до востребования, агитпароход «Пропангандист». Быть может, на зиму в Горьком будет организован театр речников. Хлопочут о передаче нашего Павловского театра Наркомречфлоту и ЦК союза речников. Был у нас на пароходе замнаркома, смотрел концерт, обещал положительное разрешение этого вопроса в Наркомате. Если бы это вышло, я бы работал в Горьком». (Июль 1945 г.).

Но этого, к сожалению, не произошло. Судьба окончательно разлучила их...

На протяжении всей своей долгой и нелегкой жизни Самарина сумела сохранить подлинную интеллигентность, оптимизм, доброту и отзывчивость, умение радоваться жизни. Поэтому и тянулись к ней люди, а друзья и коллеги называли актрису «генератором хорошего настроения». Фаина Георгиевна Раневская, много лет дружившая с Самариной, писала ей: «Голубушка, милая, как Вам живется? Это все не праздное любопытство, а мое к Вам душевное тепло... Живу я в Москве, в многомиллионном городе, а ведь как бывает одиноко... Я потому и села Вам писать, что Вам можно сказать о своей тоске. Милый Вы человек, легкий, умница. С Вами и говорить легко и молчать можно»...

В 1968 году Самариной первой из мастеров горьковской сцены было присвоено звание народной артистки СССР. Со свойственной ей скромностью она недоумевала: «За что мне такое звание? Я не заслужила... Вот отцу бы его присвоить»... С большим волнением ждала Самарина гастролей в Москве летом 1971 года — ведь выступать предстояло на прославленной сцене Малого театра, чьи традиции они с отцом всегда высоко цтили. Но этому не суждено было сбыться: незадолго до них Самариной не стало...

В одной из записных книжек актрисы выделены слова Ф. Гойн: «Жизнь, сколько ее ни клани, стоит того, чтобы ее прожить и всегда будет стоить».

Вячеслав ЖУЧКОВ.

НАРОДНАЯ артистка СССР, ведущая актриса Горьковского театра Антонина Николаевна Самарина всю жизнь хранила в самом надежном месте тюремную справку. Выцветшая бледно-голубая бумага бесстрастно сообщает:

«Управление НКВД по Горьковскому краю, отдел лагерей и мест заключения. Тюрьма г. Горького. 26 января 1939 года. № 1346. г. Горький. Справка. Выдана гр. Самариной Антонине Николаевне в том, что она с 14 июня 1938 года по 24 января 1939 г. содержалась в тюрьме и сего числа освобождена. Справка выдана для представления по месту жительства. Начальник тюрьмы г. Горького — сержант госбезопасности Соболев, начальник УРЧ — Костылева».

Вместе со справкой хранились копии письма, адресованного Берия, протоколов допроса, многочисленные письма ее мужа — артиста Г. И. Юрьева, посланные им из мест заключения в те же «сороковые-роковые».

...Их арестовали вместе поздно ночью после спектакля «Анна Каренина». Звезду Горьковского театра, в репертуаре которой были роли Катарини в «Укрощении строптивой», Дианы в «Собаке на сене», Елены в «Мещанах», Глафиры в «Волках и овцах», Анны Карениной; и ее мужа, уроженца Бессарабии, куда забросила когда-то судьба молодую Тоню Самарину из Крыма, охваченного бурными событиями гражданской войны.

В мае 1939 года Самарина написала письмо особому совещанию НКВД на имя Берия:

«Глубокоуважаемый т. Берия!

В ночь на 15 июня 1938 г. работниками НКВД г. Горького была арестована я и мой муж Паращук-Юрьев Георгий Иванович. 24 января 1939 года меня освободили за прекращением возбужденного против меня уголовного дела. 13 лет тому назад мы с мужем без надлежащего разрешения перешли границу из Бессарабии в СССР, потому что иначе выехать было невозможно. Я — русская женщина и русская артистка, естественно, стремилась на родину к своему любимому искусству, а также к своему старому отцу. Мой муж, также русский артист, сопровождал меня... Дело о нашем въезде без разрешения в СССР своевременно было строго расследовано, и нам никакого обвинения предъявлено не было, потому что мы никакого преступления

против своей родины не совершили. Переход без разрешения границы — это первое обвинение против моего мужа, оно же было и против меня...

...Наконец, мужу предъявлено обвинение по подозрению в шпионаже в пользу Румынии. Подозревать можно каждого человека, но у следственных органов, если имеются подозрения, должны быть факты, подтверждающие эти подозрения. В течение 13 лет мы работали в театрах крупных центров Советского Союза, а последнее время в течение 6 лет в театре г. Горького. На протяжении 13-летнего безупречного труда и общественной деятельности мы были, остались и останемся достойными звания советских граждан и советских артистов... Все это оставляет меня в полном убеждении, что после тщательного рассмотрения материалов дела Вы начнете против моего мужа следствие прекратить так же, как прекращено было и возбужденное против меня преследование.

А. Самарина. г. Горький, 7 мая 1939 г.»

Но вся логика рассуждений и наивная вера артистки в торжество справедливости оказались напрасными. Ответа не последовало.

Началась война. Вероятно, она ускорила решение затянутаго суда, о чем сообщал Юрьев в своем письме, достойном быть теперь обвинительным документом ГУЛАГа — старый выцветший лоскут ватмана, оторванный от лагерной новгородской стенгазеты:

«Ст. Сухо-Безводное, 23 ноября 1941 г.

Моя родная! Итак, я осужден особым совещанием в ноябре сроком на 8 лет как социально опасный элемент. Ты понимаешь, как мне тяжело?.. Но я не теряю надежды, что окончится эта проклятая война и решение будет отменено. Иначе бы я давно покончил все счеты с жизнью. Этот крестный путь, эта Голгофа, длящаяся 4-й год. Это осуждение без

малейшей вины на такой огромный срок — сломили мои силы. Долго ли протяну, не знаю. Гибнуть за чужие грехи оказалось не так легко. Мое единственное утешение это то, что ты и отец вместе... Прошу тебя, пиши мне. Помоги деньгами, табаком, сахаром через подателя этого или иными путями. Больше писать не могу. Работаю на общих работах. Передай одноактных пьес и комедий для сцены лагеря. Горячо целую вас обоих, мои любимые. Ваш Юра».

Для Антонины Николаевны потянулись долгие, томительные недели и месяцы ожиданий, тревог и повседневных забот.

Как актриса, она много и с успехом играла в годы войны. И, может быть, только тогда до конца познала счастье и радость творчества, так необходимого людям в это суровое время. Каким пустячком кажется сегодня незатей-

57